

О новом историческом повороте в социологии

Татьяна Татарчевская*

Аннотация. В статье рассматривается история становления исторически-ориентированной культурсоциологии в США. Обсуждается важность релятивистского и темпорального подхода как основные принципы такой социологии. В качестве примера рассматриваются работы Вильяма Сьюэлла. Обосновывается значимость данного подхода для «сильной программы» культурсоциологии.

Ключевые слова. Исторический поворот, культурсоциология, «сильная программа», Вильям Сьюэлл, релятивизм, темпоральность, инертность, событие, Элиас, коллективная память.

В социологии, как и в любой другой дисциплине, время от времени случаются научные революции. Сравнительно недавний «культурный поворот» в американской социологии может считаться одним из признаков трансформации исследовательских парадигм, когда на смену функционализму и позитивизму пришло осознание необходимости изучать процессы, сопутствующие появлению тех или иных коллективно разделяемых смыслов. Очевидно, что подобная революция требует времени, постоянного приобретения и накопления все нового и наслаивающегося знания, идей, теорий. Попытаемся охарактеризовать один из таких процессов в культурсоциологии — парадигму исторической культурсоциологии.

Немного истории

В США историческая (или сравнительно-историческая) социология ассоциируется с такими именами, как Баррингтон Мур, Иммануил Валлерстайн, Чарльз Тилли и Тида Скочпол, работы которых в 1960–1970-х годах показали значение истории для социологии. Тогдашний интерес к истории возник на волне радикального переосмысления социологического теоретизирования, вдохновленного Чарльзом Райтом Миллсом, который призывал социологов не останавливаться на так называемых гранд-теориях или чрезмерном эмпиризме, а обращаться к прошлому, чтобы понять суть проблем настоящего. Для Миллса историческое мышление в принципе являлось залогом социологического мышления (в терминологии автора — «социологического воображения»). Книга Миллса «Социологическое воображение» была опубликована в 1959 году и стала своего рода интеллектуальным предвестником социальных изменений последующего десятилетия.

Общественные движения за гражданские права, антивоенные студенческие протесты, феминистское движение, обозначившие необходимость пересмотра многих традиционных ценностей в американском обществе, были связаны и с появлени-

* **Татарчевская Татьяна** — PhD по социологии (Университет Вирджинии), преподаватель социологии в Sacred Heart University. Email: tozy@virginia.edu

© Татарчевская Т.Н., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

ем новых концепций в социологии. Заслуга этих движений заключается в том, что они поставили под сомнение неизменность существующего порядка в обществе и абстрактно-научной эпистемологии в социальных дисциплинах. Например, как отмечала Маргарет Сомерс, новое поколение социологов обратилось к истории еще и потому, что функционалистские и эмпирические методологии были связаны «с политически консервативными теориями модернизации и достижения социального статуса» (Somers, 1999: 55). Таким образом, уход от позитивизма к истории был своего рода и политическим жестом, поскольку тогда же возникло ощущение, что и «политическая установка на поддержание баланса в обществе была частично связана с интеллектуальной установкой на антиисторизм» (Somers, 1999: 55).

По словам Крега Калхуна, историческая социология второй половины XX века рождалась в США как своего рода общественное движение (Calhoun, 1999: 306). Однако очень скоро исторические социологи того времени заняли позиции, сравнимые с традиционной социологией. История для них была источником фактического материала, который использовался для построения макротеории, а в качестве независимой переменной выступали абстрактные обобщенные факторы. В результате получаемые теоретические интерпретации имели (по форме) все атрибуты научной теории, однако несмотря на привлечение исторического материала, были статичны и телеологичны (Sewell, 1999; Calhoun, 1999).

Вместе с тем параллельно с культурным поворотом, на базе сравнительно-исторического подхода, зарождается осознание того, что более пристальное внимание к истории, восстановление нарратива событий может обогатить наше понимание и того, как конструируются смыслы и как они воплощаются в реальности. Возможно, неслучайно этот поворот к культуре в исторической социологии датируется концом 80-х — началом 90-х годов. Так, непредсказуемые трансформации, происходившие в Европе с распадом Советского Союза, поставили многих исторических социологов перед фактом, что им сложно обозначить природу этих событий, сложно подобрать понятия для описания происходившего: что это — революция, переворот, общественное движение? (Tilly, 1995). Очевидно, чтобы понять подобные события, следовало бы восстановить контексты, предшествующие им. Новый культурно ориентированный поворот предложил опираться на так называемую, по словам Маргарет Сомерс, историческую эпистемологию. Это направление характеризуется установкой на важность изучения культуры, под которой понимаются публичные, коллективно разделяемые смыслы; установкой на темпоральность и релятивизм, а также на уход от каузальной логики в пользу нарратива.

Суть культур-исторического подхода

Основным объектом критики для исторически ориентированных социологов являлись позитивистские направления в социологии. Общая ориентация традиционной социологии на построение абстрактных теорий, обозначающих каузальные отношения между переменными, ставилась теперь под сомнение. Заимствуя такую методологию у научных дисциплин, имеющих дело с феноменами, в существовании или действии которых можно выявить закономерности, социологи тем самым до-

пускают, что социальные феномены развиваются по одинаковым и предсказуемым траекториям. Предполагается, что можно выявить определенные общие условия, на основе которых предсказывается вероятность того или иного социального феномена. Происходящее, таким образом, рассматривается как однонаправленная прямая, а социальные феномены — как статичные. Как пишет Чарльз Тилли, «огромная часть политической теории базируется на предположении существования целостных, стойких, самодвижущих сил — монад, которых на самом деле в реальности не существует. Такие якобы цельные события, как революция, национализм или война, если присмотреться, не происходят одномоментно, но распадаются на множества, существующие в течение какого-то периода на нескольких взаимосвязанных плоскостях» (Tilly, 1995: 1596). Позитивистские социологические теории оставляют, как правило, за скобками те или иные обстоятельства, которые привели к тем или иным социальным изменениям. Их авторы, стремясь к научности, не учитывают как раз то, что представляет наибольший интерес для объяснения, — спонтанность событий и стечение конкретных обстоятельств (Abbott, 1992; Somers, 1997; Somers, 1999).

В противовес господствующему позитивизму культурно ориентированная историческая социология опирается на релятивистский подход, в центре которого находится понимание реальности как состоящей из динамичных взаимоотношений, а не из статичных единиц. По словам Мустафы Эмирбайера, эти отношения «по своей природе преимущественно динамичны, представляют собой разворачивающиеся процессы, а не статичные связи между инертными субстанциями» (Emirbayer, 1999: 289). Источников у такого подхода было много. Здесь видно влияние микросоциологии (этнометодологии, социологии повседневности Гоффмана), постструктурализма Бурдьё и Фуко, теории структуризации Гидденса. Отправной точкой данного подхода является не операционализация понятия и изучение факторов его обуславливающих, но определение и восстановление (с последующим обобщением) контекстов, сопровождающих то или иное явление. Исторически ориентированная социология подчеркивает, что процессы эти не однолинейны, а имеют многие составляющие, направления и окончания. Как отмечал Калхун, даже работы Бурдьё и Фуко, несмотря на их релятивистский подход, тем не менее допускают упрощение, выделяя лишь одну характеристику и превращая ее в универсальную категорию. В работах Бурдьё, несмотря на то, что классовая принадлежность понимается им как процесс, понятие «социальный капитал» становится универсализированным независимо от исторического или культурного контекста. В работах Фуко, несмотря на то, что он отмечает изменения в дисциплинарных практиках власти в зависимости от увеличивающейся рационализации общества, категория власти также приобретает универсальный и вневременной статус (Calhoun, 1999: 320, 323).

При релятивистском понимании социолог стремится отталкиваться от представления о том, что социальная реальность больше похожа на «танцплощадку», по выражению Норберта Элиаса. В своей известной работе «О процессе цивилизации» он продемонстрировал именно такое релятивистское и темпоральное использование исторического материала. Ученый, подробно рассматривая становление поведенческих манер и форм этикета в Европе со времен Средневековья до современности, восстанавливает формы человеческого взаимодействия — фигурации, обуславливав-

шие представления о нормах поведения. Индивид для него не существует отдельно от социального контекста. По мере того как связи между индивидами становятся более разнообразными, возникают усложненные нормы поведения, регулирующие поведение в частных контекстах и в присутствии посторонних. Тем не менее Элиас подчеркивает, что процесс цивилизации не был обусловлен каким-то одним фактором, но происходил на разных уровнях человеческого взаимодействия. Таким образом, такие привычные для социологов понятия, как «институты», «организации», априори представляющие реальность как состоящую из статичных единиц, Элиас предложил заменить термином «фигурации», подчеркивая движение и процесс социальных изменений.

Применительно к использованию истории в социологии это может означать, что социальные изменения происходят не в вакууме; они могут менять свои траектории и компоненты в зависимости от других параллельных или побочных событий — подобно тому, как люди меняют свое положение на танцплощадке в зависимости от положения других людей. Иными словами, для исторически ориентированной социологии темпоральность явлений, понимание того, что они продолжительны или не продолжительны во времени, изначально включается в анализ.

Пример: теория инертности события Уильяма Сьюэлла

Пожалуй, наиболее подробно возможность такого подхода к социальной реальности — одновременно релятивистского и темпорального — обосновал Уильям Сьюэлл. Для сохранения релятивизма и темпоральности Сьюэлл предлагает социологам ориентироваться на категорию события. В отличие от предыдущих попыток обозначить событие исключительно в структурных терминах (см. работу Аббота [Abbott, 1991] о профессионализации медицины, связанной, к примеру, с возникновением медицинских школ), Сьюэлл подходит к социальной структуре, используя категорию структуризации Гидденса, т.е. как к процессам, которые одновременно и влияют на практики, и сами находятся в становлении. Кроме того, социальная структура представлена не только институтами, но и культурными практиками их легитимаций. «Мы говорим о структуре, когда серии культурных схем, распределения ресурсов и локусы власти взаимосвязаны и поддерживают друг друга, а также воспроизводят устойчивую динамику социальных практик» (Sewell, 1996: 842).

Чтобы понять, как происходят социальные изменения, необходимо обращать внимание на события, которые ставят под вопрос существование таких устойчивых паттернов поведения. Сьюэлл подчеркивает значимость подобных событий, поскольку они могут задать изменения в структурах, ставя под сомнение способы легитимации, до сих пор принимаемые за норму. Кроме того, события являются отличным способом для того, чтобы наблюдать, как разворачивается деятельность механизмов культуры. «Исторические по масштабу события так важно теоретически анализировать потому, что они трансформируют ход истории, задавая непредвиденное направление ходу общественного развития и изменяя каузальную ось социальных интеракций» (Sewell, 1996: 843). Несомненно, события — это часть повседневной жизни, но не каждое событие меняет ход истории. Значимые для социолога события — это те, которые «при-

водят в движение серию других событий, способных серьезно изменить привычные структуры и практики» (Sewell, 1996: 843). Категория «событие» для Сьюэлла позволяет использовать историю в качестве переменной, интересной для культурсоциологов, так как события в своей основе имеют смыслы и задают переменны в системах смыслов. Классическим примером такого события является взятие Бастилии, ставшее главным символом Французской революции 1789 года. Сьюэлл показывает, как физический факт взятия крепости стал исторически значимым, привнеся новые термины во французскую политическую культуру — такие как «революция», «народ», «свобода» и «деспотизм».

С одной стороны, Сьюэлл, объясняя источник значимости события, остается последователем Дюркгейма. Отмечая характеристики событий, он подчеркивает их эмоциональную напряженность, акты коллективного творчества, их ритуалистическую организацию. Вместе с тем — и здесь, пожалуй, его основное отличие от дюркгеймианской культурсоциологии — он обращает внимание на то, что события черпают свои смыслы из определенного контекста и приобретают новые смыслы по мере своего развития. Сьюэлл не ограничивается констатированием и описанием сакрального порядка ритуалистических компонентов события, но предлагает обращать внимание на то, что события обладают качеством инертности (*path dependency*), т. е. предыдущие события обуславливают будущие события (Sewell, 1999: 262-263).

По мнению ученого, существующие смыслы влияют на восприятие и значимость того или иного события, а само событие задает свою траекторию. «Событийная концепция времени предполагает причинно-следственную зависимость между последующими и предыдущими событиями и исходит из того, что социальная каузальность темпорально многообразна, а не однородна» (Sewell, 1999: 263). Такое отношение ко времени — *path dependency* — заимствовано у экономических историков, которые пытались понять влияние технологических инноваций на развитие той или иной индустрии (Mahoney, 2000). Задачей социолога является выявить логику этой заданности перемены в определенном событии — какую новую логику действий она приносит в реальность социальных акторов и институтов и почему.

Например, в своем анализе источников символической значимости взятия Бастилии Сьюэлл составляет подробную карту смыслового ландшафта жителя того времени, начиная с 1788 года, подробно описывая цепь кризисов и трансформаций, предшествовавших июлю 1789 года, восстанавливая контекст, в котором политическая мобилизация граждан в принципе стала возможной. Сьюэлл отмечает, что восстанию предшествовало давнее и стойкое ощущение кризиса среди практически всех слоев французского общества. В июле ощущение кризиса обострилось с возникновением двух источников политического порядка, претендующих на легитимность (монархия и Национальная Ассамблея), причем каждый из них предлагал свою идеологию. Если за монархом стояла традиционная легитимация существующего порядка волею Божьей, то в идеологии Национальной Ассамблеи господствовали идеи естественного порядка и равенства всех существ в природе, необходимости рационального договора граждан, обозначающего выбор структуры правления. Различия в этих идеологиях составляли ситуацию, в которой обычные граждане были постав-

лены перед выбором, как они могут воспринимать свою жизнь, что способствовало ощущению кризиса.

Кроме того, одновременно с кризисом идеологий летом 1789 года общество озаботилось вопросами выживания из-за плохого урожая и высоких цен на хлеб, оставивших большое количество городской бедноты голодать. Таким образом, «политический и экономический кризис обусловил моральную и практическую неуверенность, проникавшую глубоко в повседневную жизнь» (Sewell, 1996: 848). Помимо непосредственных смыслов Сьюэлл отмечает и другие смыслы, имевшие более продолжительную историю. Например, существовавшее восприятие крепости Бастилии как символа «политической несправедливости», которым она являлась в народном воображении и в текстах публицистов уже с начала XVIII века.

Вместе с тем само взятие Бастилии представляло собой и процесс интерпретации. Сьюэлл восстанавливает последующие процессы, приведшие к тому, что этот инцидент стал восприниматься как выражение воли народа, а не как случай уличного насилия распоясавшейся толпы. Сюда относились публикации в газетах, подчеркивавшие смысл этого события как выражение народной воли. Но, подчеркивает Сьюэлл, само событие могло интерпретироваться как революция — как новая категория политического порядка — лишь после того, как стало ясно, что король сдал власть Национальной Ассамблее. Другими словами, перемена культурная состояла из перемен культурно-структурных: «Эпохальная перемена в культуре — изобретение новой и устойчивой политической категории — могла произойти только в тандеме с практическими переменами в институциональных и военных отношениях власти» (Sewell, 1996: 853). Таким образом, тот или иной случай становится событием при определенном положении социальных институтов (например, при кризисе в политике или государственном кризисе), а также при наличии определенных коллективных смыслов, в свою очередь запуская в ход череду новых событий и культурных трансформаций. Иначе говоря, Сьюэлл предлагает историческую социологию, которая в основе своей ориентирована на культуру. Для этого ученого история есть источник культуры.

Итак, вместо того чтобы рассматривать в качестве основных переменных абстрактные факторы, имеющие телеологическую направленность, и вместо того чтобы мыслить в терминах каузальных гипотез, предлагается изначально обращаться к социальной реальности, состоящей из наслаивающихся разнонаправленных практик и паттернов (фигураций, по Элиасу), в которых участвуют (и которые формируют) индивиды и институты. Задача социолога — выделить значимое событие и восстановить ход его влияния на общество, чтобы на этой основе строить обобщения о перспективах того или иного процесса. В этой эпистемологической картине ход истории представляется не как поступательный, приводящий к определенной стадии, более сложной, чем предыдущие, а как обусловленный теми или иными конкретными событиями (Sewell, 1999; Sewell, 2005).

Историческая социология и сильная программа в культурсоциологии?

История в качестве основы для построения теории культуры наиболее часто используется в исследованиях по политической культуре. В этой связи можно отметить работу Линн Хант (Hunt, 1984) о символизме Французской революции, где автор рассматривала изобретение нового языка Республики и его влияние на политическое поведение масс (например, она нашла, что революция была более популярна среди обнищавших слоев). В этом же ряду можно выделить книгу Фредерика Корни (Corney 2004) об институционализации мифа Октябрьской революции в большевистской России через ритуалы празднования ее юбилея. Сюда же можно отнести работу Мейбл Березин (Berezin, 1997), повествующую о том, как фашистский режим в Италии для установления своей легитимности опирался на существующие формы символики, например, театр и оперу. Эти работы демонстрируют влияние прошлых культурных паттернов на настоящее, и политическая культура в них играет роль коллективной памяти, где смешиваются как новые, так и предыдущие культурные элементы.

Кроме того, элементы такого подхода можно встретить в социологии морали, представленной Ричардом Сеннеттом, Джеймсом Хантером, Джозефом Дэвисом. Следуя традиции таких социологов, как Дэвид Рисмен, эти авторы пытаются обозначить траектории исторических перемен, связанных с современностью, повлиявших на понятия морали у современного индивида. В частности, Джозеф Дэвис (Davis, 2005) в книге «Истории невинности» описывает конструирование проблемы сексуального насилия над детьми как общественной проблемы активистами общественных движений в Америке в 1970-х годах. Автор связывает возможность говорить публично о проблеме, прежде публично не обсуждавшейся, с усилением общего культурного контекста в западном обществе, в котором индивид все чаще трактуется в терминах жертвы.

Подходы, предлагаемые Сьюэллом и другими социологами, историчны и культурно ориентированы. Тем не менее во многом они предполагают теоретизирование культуры, совмещающее элементы социальной структуры и культуры (т. е. непосредственные комбинации в институтах и в кодах или смыслах).

Вместе с тем в рамках исторического подхода разрабатываются модели, схожие с сильной программой в культурсоциологии. В них выявляется темпоральный контекст того или иного ритуалистического события и предполагается, что смысл этого события обусловлен не только сочетанием культурных компонентов самого ритуала, но и определенным историческим моментом и культурным контекстом. Здесь в первую очередь стоит упомянуть попытки построить теорию процессов коллективной памяти. Ориентированное на прошлое, это направление в социологии наиболее точно представляет роль исторических контекстов и событий именно для изменений в культуре.

Исследования коллективной памяти представляют собой огромный спектр подходов. Здесь имеется и фокус на связи между памятными местами и символами и национальной идентичности, каталогизирующий символические практики патриотизма (Cerulo, 1995; Spillman, 1997). Сюда относятся работы о коллективной памяти

и поколенческой идентичности, использующие анкетные опросники для сбора количественных данных (Schuman and Scott, 1989). Сюда также можно отнести работы, посвященные дискуссиям о значении символов для мемориализации прошлого, показывающие, что процессы выбора и создания символов для памятных событий опосредован интересами многих групп влияния. Так, публикации Барри Шварца подчеркивают роль «агентов памяти» (различных заинтересованных лиц) в создании посмертной репутации национального лидера (Schwartz, 1991, 1996, 2005). События недавнего времени обсуждаются в совместной работе Вагнер-Пацифичи и Шварца (Wagner-Pacifici and Schwartz, 1991) о мемориале ветеранам Вьетнамской войны и общественных дебатах, обусловивших тот факт, что мемориал не акцентирует противоречивость американского участия в этой войне.

Кроме того, получает свое развитие и подход, заимствующий основные установки исторического поворота — установки на значительность события и инертности социальных перемен — и совмещающий их с сильной программой в культурсоциологии, направленной на подчеркивание роли событий с сакральным компонентом. Один из представителей данного подхода Джеффри Олик пытается показать, что практики памяти, такие как празднование памятных дат, памятники и мемориалы, торжественные речи — важные составляющие политической культуры сообществ — также имеют свою историю, которая в свою очередь может являться фактором, эти практики обуславливающим. Как Джеффри Олик отмечает, «осознание изменяющегося характера мнемонических практик, а также того, насколько эти меняющиеся практики сами являются способами контекстуально-специфического опыта, может и должно играть роль в этом поиске по-настоящему исторической социологии» (Olick and Robbins, 1998: 134).

Очевидно, что такой подход значительно дополняет существующую установку культурсоциологов на роль ритуала и нарратива. Иными словами, вовлечение исторического компонента в исследование публичных смыслов способствует более полному пониманию культуры. Кроме того, можно предположить, что историзация нашего познания принесет пользу не только отдельным направлениям в социологии, но и дисциплине в целом. «В основе социологии лежат события, включенные в социальное время и социальное пространство», — пишет Эндрю Абботт (Abbott, 2001: 124). Социологи, включая в свой анализ темпоральное измерение, тем самым могут существенно его обогатить.

Литература

- Abbott A. (1991). The order of professionalization: an empirical analysis // *Work and Occupations* Vol. 18. № 4. P. 355–384.
- Abbott A. (1992). From causes to events: notes on narrative positivism // *Sociological Methods and Research*. Vol. 20. № 4. P. 428–455.
- Abbott A. (2001). *Time matters: on theory and method*. Chicago: University of Chicago Press.
- Berezin M. (1997). *Making the fascist self: the political culture of interwar Italy*. Ithaca: Cornell University Press.

- Calhoun Cr.* (1999). The rise and domestication of historical sociology // The historic turn in the human sciences / ed. T.J. McDonald. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 305–339.
- Cerulo K.A.* (1995). Identity designs: the sights and sounds of a nation. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Corney F.C.* (2004). Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press.
- Davis J.E.* (2005). Accounts of innocence: sexual abuse, trauma, and the self. Chicago: University of Chicago Press.
- Emirbayer M.* (1997). Manifesto for a relational sociology // American Journal of Sociology. Vol. 103. № 2. P. 281–317.
- Hunt L.* (1984). Politics, culture, and class in the French Revolution. Berkeley: University of California Press.
- Mahoney J.* (2000). Path dependence in historical sociology // Theory and Society. Vol. 29. № 4. P. 507–548.
- Olick J.K., Robbins J.* (1998). Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. Vol. 24. P. 1051–140.
- Schuman H., Scott J.* (1989). Generations and collective memories // American Sociological Review. Vol. 54. № 3. P. 359–381.
- Schwartz B., Schuman H.* (2005). History, commemoration and belief: Abraham Lincoln in American memory, 1945–2001 // American Sociological Review. Vol. 70. № 2. P. 183–203.
- Schwartz B.* (1991). Social change and collective memory: the semocratization of George Washington // American Sociological Review. Vol. 56. № 2. P. 221–236.
- Schwartz B.* (1996). Memory as a cultural system: Abraham Lincoln in World War II // American Sociological Review. Vol. 61. № 5. P. 908–927.
- Sewell W.H.* (1996). Historical events as transformations of structures: inventing revolution at the Bastille // Theory and Society. Vol. 25. № 6. P. 841–881.
- Sewell W.H.* (1999). Three temporalities: toward an eventful sociology // The historic turn in the human sciences / ed. T.J. McDonald. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 245–281.
- Sewell W.H.* (2005). Logics of history: social theory and social transformation. Chicago: University of Chicago Press.
- Somers M.* (1997). We're no angels: realism, rational choice, and relationality in social science // American Journal of Sociology. Vol. 104. № 3. P. 722–784.
- Somers M.* (1999). Where is sociology after the historic turn? Knowledge cultures, narrativity, and historical epistemologies // The historic turn in the human sciences / ed. T.J. McDonald. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 53–91.
- Spillman L.* (1997). Nation and commemoration: creating national identities in the United States and Australia. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Tilly Ch.* (1995). To explain political processes // American Journal of Sociology. Vol. 100. № 6. P. 1594–1610.
- Wagner-Pacifi R., Schwartz B.* (1991). The Vietnam Veterans Memorial: commemorating a difficult past // American Journal of Sociology. Vol. 97. № 2. P. 376–420.